

ДЕЙСТВИЯ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК ТОФ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ. 1945 г.

Юрий Михайлович ЗАЙЦЕВ, кандидат исторических наук,
капитан 1 ранга

В 1939 г. на случай развязывания Японией войны с СССР перед Тихоокеанским флотом были поставлены задачи:

- активными действиями подводных лодок и минными заграждениями запретить доступ сил противника в Татарский пролив;
- крейсерскими операциями подводных лодок и авиации на путях сообщения в Японском море, Тихом океане, у южных берегов Кореи и в Желтом море сорвать перевозки Японии и подорвать ее экономическую мощь¹.

С началом войны с Германией Тихоокеанский флот стал резервом действующих флотов и фронтов. Ряд новых подводных лодок с наиболее подготовленными экипажами, как рассказано выше, перешли на Северный флот, подводники-тихоокеанцы пополняли экипажи подводных лодок Черноморского флота. В 1941—1945 гг. боевая подготовка продолжалась с учетом опыта воюющих флотов, отрабатывались вопросы рассредоточения и рассредоточенного базирования, тактической маскировки, бесперископных атак по данным гидроакустических станций, сохранения надежности и гибкости боевого управления, защиты подводных лодок от надводных кораблей и воздушных сил противника.

В декабре 1944 г. был разработан «Общий план действий Тихоокеанского флота», в развитие которого штабом флота были составлены частные планы (подводной, воздушной, минной войны и др.). Новым оперативным планом исключались задачи действия флота в Желтом море и Тихом океане, и главные операции были целеустремлены на Японское море и Татарский пролив. Основной задачей подводных лодок являлось нарушение морских коммуникаций противника в Японском море во взаимодействии с авиацией. Согласно этому плану была разработана исполнительная документация для соединений и кораблей. До командиров бригад были доведены их операционные районы действий и требуемое количество подводных лодок в районе.

В апреле 1945 г. в соответствии с решением Народного комиссара ВМФ Н.Г. Кузнецова была произведена реорганизация подводных соединений Тихоокеанского флота. Были сформированы четыре бригады и два отдельных дивизиона.

В состав 1-й бригады подводных лодок (БПЛ) под командованием контр-адмирала А.Т. Чабаненко входили 11 ПЛ типа «Л», две типа «С» и шесть типа «Щ» (место базирования — б. Малый Улисс). 2-я бригада под командованием капитана 1 ранга Ф.Ф. Павлова объединяла 14 ПЛ типа «М» и дислоцировалась в б. Золотой Рог.

Третья БПЛ включала в себя пять ПЛ типа «Щ» и десять ПЛ типа «М» под командованием капитана 2 ранга В.Н. Иванова и базировалась в зал. Советская Гавань (главной базе Северной Тихоокеанской флотилии). В б. Находка базировалась 4-я БПЛ, состоявшая из шестнадцати подводных лодок типа «Щ», ее возглавлял командир бригады капитан 1 ранга Л.А. Емельянов.

В зал. Владимира базировался 2-й отдельный дивизион ПЛ (ОДПЛ) капитана 1 ранга А.В. Трипольского, состоявший из шести ПЛ типа «Щ» и четырех

ПЛ типа «М». И, наконец, Петропавловск-Камчатский был определен местом базирования 3-го ОДПЛ, в который входило четыре ПЛ типа «Щ» (командир дивизиона — капитан 2 ранга И.И. Курносов).

Таким образом, к началу дальневосточной кампании в составе ТОФ состояло одиннадцать ПЛ типа «Л», две ПЛ типа «С», 37 подводных лодок типа «Щ» и 28 «Малюток» (всего 78 подводных лодок). Организация, состав и базирование подводных лодок к 9 августа 1945 г. не изменились, однако из общего количества подводных лодок только 47 были готовы к боевым действиям, а 31 (39,7%) находились в ремонте и в оргпериоде. Для увеличения количества боеготовых подводных лодок часть из них прошла текущий и навигационный ремонты.

В целях разграничения зон деятельности ВМФ СССР и ВМС США, также действовавших в Японском, Охотском и Беринговом морях, Нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов 2 июня обратился в Ставку с предложением приступить к переговорам с целью установления контакта с американскими ВМС для совместных действий против Японии. Однако только 5 августа штаб Тихоокеанского флота получил из Читы от главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке маршала А.М. Василевского телеграмму об установлении разграничительной линии между зонами действия ВМФ СССР и ВМС США на Дальнем Востоке. Разграничительная линия проходила через мыс Болтина, через точки Ш=40° сев., Д=135° вост.; Ш=45° сев., Д=140° вост. и далее по параллели 45°45' сев. до линии, соединяющей мыс Крильон с мысом Соя-Мисаки (северная оконечность о-ва Хоккайдо).

Таким образом, разграничительная линия прошла на незначительном удалении от побережья советского Приморья — в Японском море всего в 90—120 милях, а в Тихом океане и Беринговом море в 15—25 милях. К северу от разграничительной линии действовали флот и авиация Тихоокеанского флота СССР, а к югу — ВМС США. Подобное разграничение зон ответственности резко ограничило возможности сил Тихоокеанского флота.

Во-первых, была значительно сокращена глубина зоны оперативной разведки, что в свою очередь не позволило с достаточной полнотой оценивать силы противника и выявлять значение ряда его военно-морских баз.

Во-вторых, большая часть наиболее важных морских коммуникаций противника оказалась вне зоны ответственности Тихоокеанского флота СССР, что потребовало в короткие сроки изменить нарезку позиций подводным лодкам и, как следствие, не позволило своевременно разместить подводные лодки на коммуникациях противника.

В-третьих, хотя флот Японии понес значительные потери в войне с США, но еще оставался достаточным для того, чтобы нанести удары в ночное время по силам ТОФ в базах и на высоких скоростях выйти за пределы советской зоны ответственности. Сейчас сложно говорить об оправданности такого предположения, но в то время это обстоятельство вынуждало держать в готовности к обороне баз ТОФ значительные ударные силы.

В-четвертых, разграничение зон ответственности было проведено так, что линия разграничения на море и на суше (38° сев. широты в Корее) не совпадала на 200 миль.

Исходя из вышеперечисленных обстоятельств, в боевых директивах, данных с началом войны командирам бригад, подводным лодкам ставилась задача во взаимодействии с ВВС и легкими силами флота нарушать коммуникации Японии в отведенном оперативном районе, уничтожая всеми видами оружия ее транспорты и боевые корабли, ведя неограниченную подводную войну. Часть

подводных лодок получила задачу нести дозор у баз с целью своевременного обнаружения кораблей и судов противника и донесения о них. Кроме того, в ходе боевых действий подводные лодки привлекались для прикрытия кораблей, производивших минные постановки, разведки проходов к базам противника, высадки диверсионных групп, перевозки топлива.

Позиции для нарушения коммуникаций были назначены к северу от разграничительной линии: на подходах к портам Северной Кореи, между мысами Мюсю-Куци и Гиор-Тан — две позиции (№ 1 и № 2) для подводных лодок 1-й БПЛ; на подходах к главной базе (Владивостоку) — три позиции (№№ 3, 4, 5) для подводных лодок 4-й бригады; на подходах к Владимиро-Ольгинской военно-морской базе — две позиции (№ 6 и № 7) для подводных лодок 2-го ОДПЛ; вдоль западного побережья о-ва Сахалин — две позиции (№ 8 и № 9) для подводных лодок 3-й БПЛ. Все позиции, кроме № 1 и № 9, своей южной границей опирались на разграничительную линию. Для действий подводных лодок 3-го ОДПЛ были выделены районы на подходах к западной части островов Парамушир и Шумшу и с востока южной части п-ова Камчатка.

Таким образом, из девяти позиций ПЛ, развернутых в Японском море, пять (более 50%) были ориентированы на защиту баз флота. Кроме того, на подходах к Владимиро-Ольгинской военно-морской базе (ВО ВМБ) и к Советской Гавани за кромкой минных заграждений несли дозорную службу подводные лодки типа «М».

С 19 августа 1945 г. (уже после формальной отдачи приказа японским императором о прекращении боевых действий)² к этим районам были добавлены еще два района под литерами «А» и «Б», которые назначались подводным лодкам 1-й БПЛ.

В 3 ч. 20 мин. 8 августа была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования, в которой Тихоокеанскому флоту предписывалось перейти на оперативную готовность № 1, приступить к постановке оборонительных минных заграждений, развернуть подводные лодки и прекратить одиночное плавание торговых судов.

К 08.00 8 августа все соединения подводных лодок перешли на боевую готовность № 1 и часть подводных лодок была рассредоточена по заливам и бухтам в соответствии с оперативными планами, а часть начала подготовку к выходу в море для выполнения боевых задач. Развертывание подводных лодок началось лишь с 15 ч. 45 мин. 8 августа, поэтому не все лодки смогли занять назначенные им позиции до начала боевых действий. Так как заблаговременный выход в море командование ТОФ не разрешило, подводные лодки заняли свои позиции с 19-часовой задержкой³. Тем самым был упущен благоприятный момент для действий против судов противника у портов Северной Кореи и Южного Сахалина.

Позиции №№ 1 и 2 заняли подводные лодки «Л-14» и «Л-17» 1-й БПЛ, на позициях №№ 3—5 было развернуто по две подводные лодки из состава 4-й БПЛ (№ 3 — «Щ-122» и «Щ-123», № 4 — «Щ-102» и «Щ-104», № 5 — «Щ-126» и «Щ-127»), на позициях №№ 6 и 7 (подходы к ВО ВМБ) были развернуты подводные лодки «Щ-134» и «Щ-135» 2-го ОДПЛ. Позиции №№ 8 и 9 заняли подводные лодки «Щ-119» и «Щ-117» 3-й БПЛ.

Для прикрытия минных заграждений в Татарском проливе и в районе Авачинской губы были развернуты три подводные лодки («М-5» и «М-46» 3-й БПЛ и «Щ-105» 3-го ОДПЛ). Кроме того, три лодки были выставлены в дозор на подходах к Советской Гавани и ВО ВМБ. Таким образом, с началом войны в море одновременно действовало 18 подводных лодок, т.е. 23% от общего

состава подводных лодок ТОФ и 38% от числа боеготовых подводных лодок. В целом это соответствовало коэффициенту боевой напряженности, планировавшемуся на длительный период ведения боевых действий.

Выход подводных лодок из баз совершался по фарватерам с использованием штатных средств ограждения. Переход на позиции осуществлялся одиночно, а подводными лодками 4-й БПЛ попарно. Первой подводной лодкой, имевшей контакт с противником, была ПЛ «Л-17», находившаяся на позиции № 2. 9 августа в 11.47 ею был обнаружен японский тральщик, однако от атаки командир отказался, обнаружив в дистанции 10 кабельтовых на высоте 50 метров японский самолет.

12 августа в 15.26 подводная лодка «Щ-119», находившаяся в позиции № 8, обнаружила в порту Маока небольшой транспорт. Командир решил атаковать транспорт после его выхода из порта, однако в связи с ухудшением погоды утром 13 августа принял решение лечь на грунт на глубине 60 м, ведя наблюдение с помощью шумопеленгатора. В 09.55 акустик обнаружил шум винтов выходящего транспорта. Всплыв с грунта под перископ, командир обнаружил транспорт водоизмещением 1500 т, следовавший без охранения.

Ошибки командира в маневрировании привели к тому, что атака с 9 кабельтовых тремя торпедами с временным интервалом 9 сек. оказалось unsuccessful — при штилевом море транспорт обнаружил следы торпед и уклонился.

Спустя полтора часа после первой атаки (в 11.40 13.08.1945) командир «Щ-119» обнаружил в перископ тральщик, однако и на этот раз грубые ошибки в маневрировании сделали атаку безуспешной — уклонившись от выпущенной торпеды, тральщик атаковал подводную лодку, сбросив на нее три серии по 4 глубинные бомбы в каждой.

14 августа в 19.15 подводная лодка «Щ-127» обнаружила и донесла о группе кораблей противника в точке Ш=41°10' сев. Д=135°08' вост., следовавших курсом 270°. Получив приказание идти за конвоем и доносить обстановку, командир подводной лодки в 20.05 вторично донес о том, что группа кораблей следует курсом 345°, скоростью 18 узлов и, предположительно, имеет в своем составе линейный корабль и четыре эсминца. В связи с тем, что в этот момент на переходе в порт Сейсин находился наш десант, командующий флотом приказал для его прикрытия приготовить к выходу в море 4 подводные лодки типа «Л», две ПЛ типа «С» и две ПЛ типа «Щ» из состава 1-й БПЛ и четыре ПЛ типа «Щ» 4-й БПЛ. К 23 часам 14 августа подводные лодки были готовы к выходу в море. Одновременно было приказано нацелить на корабли противника подводные лодки 1-й и 4-й БПЛ, находившиеся на позиции. Однако высланная для обнаружения кораблей противника авиация их не обнаружила, и выход кораблей был отменен. Позже выяснилось, что это была группа японских кораблей в составе крейсера в охранении эсминцев и сторожевых кораблей, следовавшая в Гензан.

19 августа в связи с движением наших конвоев между Владивостоком, ВО ВМБ и Советской Гаванью со своих позиций были отозваны в базу подводные лодки «Щ-134» и «Щ-135».

В результате успешных действий наших войск и высаженных флотом десантов на Южном Сахалине противник усилил движение транспортов в прол. Лаперуза и вдоль западного побережья о-ва Хоккайдо. Для противодействия перевозкам противника вечером 19 августа на позиции «А» и «Б» в районе порта Румои были высланы подводные лодки «Л-12» и «Л-19». Наряду с этим были закрыты позиции №№ 8 и 9, а подводные лодки «Щ-117» и «Щ-119» отозваны в базу.

21 августа в 16.15 подводная лодка «Щ-126» (командир — капитан-лейтенант В.А. Морозов), находившаяся на позиции № 5, обнаружила японский мотобот. Командир, считая, что противник использует малые суда для поиска наших подводных лодок и наведения на них противолодочных сил, сблизился с ним в надводном положении и, несмотря на попытки последнего уклониться, уничтожил его артиллерийским огнем с дистанции 7—8 кабельтовых. Для уничтожения мотобота было израсходовано 50 45-мм снарядов.

22 августа подводные лодки «Л-12» и «Л-19» заняли назначенные им позиции у западного побережья о-ва Хоккайдо. В этот же день в 04.50 подводная лодка «Л-12» (командир — капитан-лейтенант П.З. Щелганцев), находясь в крейсерском положении у порта Румои, обнаружил огни транспорта, шедшего без охранения. Сблизившись с транспортом на дистанцию 5,5 кабельтовых, в 05.11 командир атаковал его трехторпедным залпом-веером с растворением 3°. Из-за ошибки в определении параметров движения цели торпеды прошли мимо. Спустя 7 минут командир повторил атаку с дистанции 2,5 кабельтовых тремя торпедами. Средняя торпеда попала в транспорт водоизмещением более 4000 т, и через полторы минуты он затонул.

Вечером этого же дня, находясь на перископной глубине, подводная лодка «Л-12» обнаружила небольшой конвой в составе транспорта в охранении сторожевого корабля и шести катеров. Конвой шел переменными курсами, что осложняло выход в атаку. Лишь спустя 56 минут командиру удалось сблизиться с конвоем, однако она была замечена противником — транспорт отвернул, а подводная лодка подверглась преследованию. Подводная лодка оторвалась от преследования на глубине 40 м. На «Л-12» было сброшено 5 глубинных бомб, причинивших ей незначительные повреждения. В результате атаки глубинными бомбами на подводной лодке произошла осадка перископов, оторвана приемная радиоантенна, протекли радиоводы, сальники, лопнуло часть иллюминаторов в ограждении боевой рубки. В данной атаке, по мнению вышестоящего штаба, командир действовал нерешительно, атаку затаил, что и послужило причиной обнаружения ПЛ и дальнейшего преследования.

После отрыва от преследования в 20.58 «Л-12» всплыла в позиционное положение, и на лунной дорожке командир обнаружил силуэт японского транспорта. Командир принял решение атаковать транспорт из перископного положения, так как условия видимости позволяли это сделать. Определив сторону движения, командир лег на боевой курс в дистанции 12 кабельтовых, однако из-за боязни промаха от дальнейшей атаки отказался.

Подводная лодка «Л-19», находившаяся у входа в прол. Лаперуза, в 05.58 22 августа получила приказание форсировать пролив и занять позицию в зал. Анива на подходах к порту Отомари (ныне Корсаков) с задачей атаковать транспорта противника, пытавшиеся уйти из Отомари на юг. Командир был оповещен, что пролив минирован, а американские подводные лодки форсируют его в южной части. В 23.00 командир донес, что успешно атаковал два японских транспорта, один из которых потопил, а второй повредил. В 15.08 23 августа связь с подводной лодкой была потеряна, подводная лодка из похода не вернулась. Это обстоятельство не дает полной картины действия подводной лодки при атаке японских транспортов. До настоящего времени считается, что наиболее вероятной причиной гибели «Л-19» является подрыв на mine при форсировании пролива Лаперуза.

На позицию у порта Румои, освобожденную «Л-19», была выслана подводная лодка «С-52». 24 августа она обнаружила сторожевой корабль противника, но командир от атаки отказался.

Кроме действий на коммуникациях, подводные лодки решали задачи прикрытия минных постановок, несения дозорной службы у своих баз, высадки разведывательных и десантных групп. Так, подводная лодка «Щ-118» 17 августа успешно высадила разведывательную группу в 15—20 км южнее порта Маока. Подойдя к порту, командир произвел визуальную разведку порта через перископ, а затем отошел южнее для выбора удобного места высадки разведгруппы. Ознакомив весь состав группы через перископ с местом высадки и проинструктировав его, командир принял решение до наступления темноты лечь на грунт. В 23.00 «Щ-118» всплыла в позиционное положение, и разведгруппа направилась к берегу на резиновой шлюпке. Погрузившись на перископную глубину, ПЛ отошла от берега, и с получением в 23.40 условного сигнала об успешной высадке, начала движение в базу.

Вечером 22 августа подводные лодки «Л-11» и «Л-18» приняли в б. Улисс по 60 десантников с личным оружием и утром следующего дня благополучно прибыли в порт Маока. По особому приказанию они должны были высадить десант в порту Румои. 1 сентября подводные лодки «Щ-119», «М-1» и «М-5» доставили из Советской Гавани в порт Отомари топливо для наших кораблей.

После того, как необходимость дальнейших действий на коммуникациях отпала, начиная с 25 августа, подводные лодки стали отзываться в базы. К 31 августа все подводные лодки, за исключением «Л-19», возвратились в базу. С 8 по 31 августа в боевых действиях принимали участие 28 подводных лодок, т.е. третья часть от общего состава ПЛ ТОФ.

Успешность действий подводных лодок оказалось невысокой, несмотря на интенсивную боевую подготовку, проводившуюся в 1941—1945 гг. Очевидно, сказалось отсутствие боевого опыта у командиров подводных лодок. При встречах с противником некоторые командиры действовали неуверенно, проявляли излишнюю нервозность, допускали грубые нарушения правил маневрирования при торпедных стрельбах, отказывались от атак.

Другой причиной невысокой успешности следует признать запоздалое развертывание подводных лодок у западного побережья Японии и у побережья Северной Кореи, что позволило судам противника заблаговременно выйти из-под ударов наших ПЛ. Это особенно повлияло на обстановку у портов Расин и Юки, где заблаговременная разведка организована не была, и подводным лодкам потребовалось до двух суток для проведения до-разведки районов.

Недостатком в организации применения подводных лодок, которые считались основной ударной силой флота, следует признать качество разведки специально в интересах ПЛ.

В-третьих, интенсивность движения судов противника в северной части Японского моря была снижена до минимума, а районы, где она была значительно выше, находились вне зоны ответственности ТОФ.

Противник оказал достаточно слабое противодействие нашим подводным лодкам, что может быть объяснено практическим свертыванием боевых действий после отдачи императором Японии приказа о прекращении боевых действий с 16 августа. За весь период боевых действий отмечено только два случая преследования и атак наших подводных лодок противником. При этом на «Щ-119» было сброшено 12 глубинных бомб, а на «Л-12» пять. Кроме того, две подводные лодки «Щ-123» и «Л-19» на своих позициях были атакованы подводными лодками противника. В первом случае ПЛ «Щ-123», находясь в позиционном положении, обнаружила атаку двумя торпедами по воздушному пузырю в дистанции 4—5 кабельтовых на курсовом угле 50° правого борта. Одновремен-

ным погружением и циркуляцией вправо подводная лодка уклонилась от торпед, одна из которых шла по поверхности воды.

За время боевых действий подводные лодки 13 раз обнаруживали противника, но только в 7 случаях обнаружение закончилось атакой. При этом одна из них была артиллерийской, а остальные торпедные. Четыре атаки, т.е. 57%, завершились потоплением или повреждением судов противника.

В четырех атаках, по которым имелись полные данные, трижды командиры стреляли трехторпедным залпом (в двух случаях — залпом-веером, а один раз с временным интервалом) и только в одном случае стрельба была произведена одной торпедой. В ходе атак потоплено два транспорта и один мотобот, поврежден один транспорт. Следовательно, успешность стрельбы назвать высокой нельзя. Очевидно, что в ходе боевой подготовки были допущены просчеты, которые сказались в боевых условиях.

Следует отметить и недостаточную техническую оснащенность подводных лодок ТОФ гидроакустическими средствами — только 6 ПЛ имели на вооружении гидролокаторы, остальные — шумопеленгаторные станции. Вместе с тем акустические средства были достаточно широко использованы в ходе боевых действий. Во многом этому способствовал боевой опыт воюющих флотов, который внедрялся на ПЛ ТОФ в ходе боевой подготовки. Гидроакустика применялась для обнаружения противника, выхода в атаку, уклонения от преследования, преодоления средств противолодочной обороны, в навигационных целях. При этом все подводные лодки (за исключением «Щ-134») обнаруживали шумы винтов противника с использованием шумопеленгаторов на дистанциях, превышавших дальность визуального обнаружения целей. Ни одна из подводных лодок ТОФ не была оснащена радиолокационной станцией, что говорит об отставании технической вооруженности ПЛ от требований времени.

Торпедное вооружение подводных лодок к началу дальневосточной кампании также не было обеспечено новыми образцами. Более 50% торпедного боезапаса подводных лодок составляли старые торпеды 53—27, а новые торпеды 53—39 и ЭТ-80 на ТОФ не поступали.

Кратковременность боевых действий и слабое противодействие противника не потребовали организации специального взаимодействия подводных лодок с авиацией флота и надводными кораблями — т.е. решения той задачи, к которой флот готовился в предвоенные годы. По этим же причинам не возникло необходимости в организации групповых действий подводных лодок.

А в общем экипажи подводных лодок, которые за время войны обновились практически на 100%, в полном объеме выполнили задачи, поставленные перед ними командованием ТОФ. Во многом этому способствовали целенаправленная боевая и морально-психологическая подготовка, принятие на вооружение приемов и методов, использовавшихся воюющими флотами.

¹ РГАВМФ. Ф. Ф.р-1090, оп. 1, д. 218, л. 20, 23.

² 16 августа по японскому радио было зачитано обращение правительства с приказом императора о прекращении военных действий сухопутными и военно-морскими силами. Однако этому распоряжению предшествовали приказы сухопутным войскам № 1382 и военно-морскому флоту № 48, в которых говорилось, что, если в период прекращения боевых действий противник продолжит наступление, разрешается вести необходимые действия с целью самозащиты. См. Х. Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг. СПб., Полигон, 2003. С. 818—819.

³ Война началась в 00.10 9 августа 1945 г., а ПЛ заняли свои позиции только к 19.00 9.08.1945 г.

SUMMARY: The second article of Candidate of Historical Sciences, Captain of the 1st rank Yu. Zaitsev is about the actions of submarines of the Soviet Pacific Fleet in the war against Japan in 1945.